

Walentyna Jakimiuk-Sawczyńska
Białystok

По поводу второго сборника
Юмористических рассказов Тэффи

Ключевые слова: человекообразные, любовь, лентяи, мечтатели, критика

В 1911 г. в Петербурге в издательстве “Шиповник” вышла вторая книга (часть) сборника *Юмористических рассказов Тэффи* [Тэффи 1911], которая, так же, как и первая, пользовалась большим интересом, как критиков, так и читателей. Эпиграфом для этих двух книг были слова Спинозы: “...Ибо смех есть радость, а посему сам по себе – благо”. Во вторую книгу вошло также двадцать пять рассказов. Обе книги одинаковы по размеру, обе до 1917 г. были переизданы больше, чем десять раз, но по тематике они отличаются друг от друга.

Тэффи – это литературный псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, по по мужу Бучинской (1872–1952), которая после того, как разошлась с мужем, приехала в Петербург и стала писательницей.

Хотя сама Тэффи о первой книге сказала, что это смесь¹, это совсем не значит, что такого же мнения были критики и читатели². Владимир

---

¹ О первом своём прозаическом сборнике Тэффи писала в письме своему другу, Фёдору Сологубу так: “Я послала Вам мою книгу, но только в знак уважения, а не для прочтения, она очень скверна, т. к. собрана из отбросов или забытых и брошенных в своё время вещей” [Нитраур, Князев 1999, 16].

² “Вслед за поэтическими сборниками появляются два тома ее *Юмористических рассказов*, которые читателями и критиками были приняты на “ура”. По свидетельству Ирины Одоевцевой, рассказами Тэффи “восхищались буквально все, начиная от почтово-телеграфных чиновников ...до императора Николая II”, однако воспринимались они как чистая юмористика”. Цит. по: [Калужная 1999, с. 4].

Кранихвельд по этому поводу сказал: “И всё-таки книгу Тэффи можно принять, не отбрасывая даже самого ничтожного, потому что в общем все её рассказы – и сильные, и слабые – необходимо дополняют друг друга и книга оставляет впечатление ограниченной слитности” [Калюжная 1999, 4].

Вторую книгу открывает рассказ *Человекообразные*, который выступает в качестве предисловия к сборнику и одновременно представляет собой некую концепцию. В ней писательница говорит о удивительной теории происхождения человечества. По ее мнению, все люди подразделяются на две группы: одних сотворил Бог по образу и подобию Своему, и путь их – путь творчества, а другие – человекообразные. Коловратки, т.е. движущиеся мерцающие точки,

наполнили моря и реки, всю воду земную, и стали искать, как им овладеть жизнью и укрепиться в ней. Они обратились (...) в кольчатых червей (...) с дрожащими чуткими усиками (...), они обратились в гадов, амфибий и выползли на берег (...). И вот, после многовековой работы, первый усовершенствованный гад принял вид существа человекообразного. Он пошёл к людям и стал жить с ними. Он учуял, что без человека ему больше жить нельзя, что человек поведёт его за собой в царство духа, куда человекообразному доступа не было. Это было выгодно и давало жизнь. У человекообразных не было прежних чутких усиков, но чутьё осталось. (...) Люди смешались с человекообразными. Заключали с ними браки, имели общих детей. Среди детей одной и той же семьи приходится часто встречать маленьких людей и маленьких человекообразных [Тэффи 1911, 153].

Дальше повествователь, с которым отождествляется Тэффи, говорит о том, что человекообразные не понимают смеха, так как смех “это печать Бога на лице души человеческой”, не знают любви, так как знакомо им только простое половое чувство, детей они не ласкают, а воспитывают, а о жене они говорят “она должна”. Короче говоря, человекообразным не хватает “искры Божьей”. Притом они усвоили разные ухватки и трудно их теперь узнать. Они – говорит Тэффи – крепнут и скоро задавят настоящих людей.

Значит, кто они? Это герои некоторых её произведений. Их можно увидеть в разных воплощениях. Это, например, Маничка Куксина (рассказ *Экзамен*). Тупая и сонная, она идёт на экзамены по географии и по истории. На подготовку к ним у неё было три дня. Несмотря на то, что двух переэкзаменовок быть не может и ей угрожает повторение года, Маничка два из трёх предназначенных дней тратит на примерку нового корсета с настоящей планшеткой, а лишь “на третий день вечером села заниматься”. Человекообразные не любят трудиться, их

интересуют только плоды труда. Так и Маничка. Вместо того, чтобы повторить материал, она на полях карты сотню раз пишет “Господи помилуй” и, конечно на экзаменах, проваливается.

Человекообразные всегда хотят быть кем-то значительным, но не ценой собственного труда. Чаще всего они прибегают к фокусам. Так делает Маничка, так делают и другие герои. Примерно, гимназист Щупак (рассказ “Де”) каждый год с нетерпением ждёт времени, когда из родных мест пришлют ему арбузы и дыни. Тогда к нему приходят люди будущего:

будущий философ, будущая акушерка, будущий дантист, и только сам Щупак бородатый и тусклый гимназист, был без всякого будущего. Его только что выгнали из гимназии без права поступления, и он ждёт приезда матери, которая должна была у кого-то “вывалиться”, чтобы Щупак мог дальше и без конца быть гимназистом [Тэффи 1911, 196].

Когда друзья кушают, он, угощая их, единственный раз в году, может говорить обо всём, так как они тогда его слушают, не возражая. В тот момент, единственный раз в год, он испытывает особого рода наслаждение. Когда гости, съев всё, уходят домой, Щупак, прогрызая арбузную корку порозовее думает:

Теперь что? Молчи! Вплоть до будущих арбузов. Никто не захочет слушать. Спрашивают одни учителя, да ответить им нечего. Абсолютно нечего [Тэффи 1911, 199].

Вера в чудеса, во всякого рода фокусы, неестественность, притворство к которому прибегают человекообразные, является тем средством, которое может облегчить их жизнь в любой ситуации без особого труда. Наблюдательность Тэффи является поразительной, так как большинство этих зарисовок, списанных с природы, отличается естественностью, убедительностью, психологической достоверностью. Разве не является смешным и гротескным поведение двух миллионеров по имени Вилли, каждый из которых любил оригинальничать? И если керосиновому королю получилось вызвать всеобщее внимание – всё, что выиграл в казино отдал бедной девушке испанке, то свиному королю – наоборот. Работнику казино приказал есть, а платить велел бедной испанке. Жесты делали одинаковые, но эффект получился совсем другой.

Человекообразному кажется, что он вперёд знает, лучше других, какой будет результат. Так думал пан Гусинский – сокрушитель женских сердец и знаток тонкой психологии (*Тонкая психология*) Увидев

в поезде женщину, а около неё двенадцатилетнего кадетика, решил покорить сердце мамыши, угощая её сына. На каждой остановке, что бы он ему ни предлагал, тот ни от чего не отказывался. Результат был таков, что на определённой станции женщина вышла, кадетик ехал дальше, а у пана Гусинского был пустой портфель.

Человекообразные умеют притворяться, это своего рода актёры. Самосолов в светлый праздник – в Воскресение Христово пришел в храм помолиться и старался стать поближе начальника, чтобы тот заметил, какой он праведный христианин (*Светлый праздник*). Он улыбался, поздравлял, ручку целовал и ожидал приглашения в гости, но в душе их ненавидел, критиковал, несмотря на праздник. Когда пришёл домой, поссорился с женой, та с дочкой, а дочка с кухаркой. Тэффи показывает, сколько зла и ненависти делают злые по своей натуре люди, несмотря на их общественную позицию и умение вести себя. Они играют, притворяются, пренебрегают религией и человеческими законами, семьей, чтобы только добиться своей цели. Когда цель достигнута, а они оказались не на своём месте, тогда им трудно в этом признаться. Для человекообразных мало того, чтобы надеть золотое кольцо с бирюзой, купить коробку конфет, взять ложу, как сделал молодой купец Мясорыбов (рассказ *Факир*). Они некоторых вещей просто не понимают, в чём лично убедился купец:

Иди, брат Мясорыбов, домой, – сказал сам себе Мясорыбов. – Не тебе, брат Мясорыбов, по театрам ходить. С суконным рылов в калашный ряд. По театрам ходят люди понимающие и с культурной природой. А ежели тебе, брат Мясорыбов, скучно, так на то водка есть [Тэффи 1911, 171].

Человекообразные мечтают. В своих мечтах они становятся молодыми, бодрыми, отцами, хорошо исполняющими свою роль, а все недомыслия откладывают на летний отпуск. Однако мечты остаются только мечтами (рассказ *Антет*):

Вставать, конечно не позже шести. Хорошо иногда встретить солнце с женой и свояченицей... Прямо с постели – в воду. Вода в речке холодная ... бррр ... На весь день юн и свеж. Затем стакан молока с черным хлебом и верховая прогулка. Если дождь, надел плащ и – марш. Затем лёгкий завтрак. Потом работать, работать, работать! Перед самым обедом игра с детьми в крокет. После лёгкого обеда прогулка совместная с детьми. Организуем пикники... Потом легкий ужин, чтение и на боковую. Роскошь! Сколько за это время прочтёшь, как поправишь организм! [Тэффи 1911, 200].

В их подсознании возникает другая мысль: летом надо набраться новых сил и всё, остальное остаётся по-прежнему.

Человекообразные встречаются всюду: на пароходе – аристократки, которые не понимают в компании шуток (*Святой стыд*), на чердаках – чтобы как-то прожить, человек подаёт себя за хиромантика (*Предсказатель прошлого*), в аристократических домах, где из-за придуманной ревности к мужу, жена толкает его к своей подруге (*Ревность*), среди как будто согласных семейств, где ничтожный предмет является причиной распада семьи (*Брошечка*), в кабинетах губернаторов (*Седая быль*), в дворянских гнёздах (*Переводчица*), в прачечных (*Прачечная*), в канторах (*Кулич*). Все они думают о себе, что очень ловко себя ведут, но получается другое. Таких героев, т.е. человекообразных, Тэффи разоблачает, а их пороки поддаёт всеобщему обсуждению.

Оценивая героев второй части *Юмористических рассказов*, трудно, однако, вполне согласиться с мнением Л. А. Спирыдионовой, которая считает, что Тэффи “высмеивала вездесущее мещанство” [Спиридинова 1999, 12]. Среди героев второй книги первого сборника можно найти и таких людей, которые во многом напоминают героев А. Чехова. Это молодой начинающий поэт из провинции, Николай Котомко. Его впервые пригласили на концерт, и он ровно три недели не мог найти себе покоя. Полтинник на извозчика – это плата за весь его труд (*Концерт*). Бедный, измученный, он жалко спрашивает себя: “Разве я счастлив? Разве окрылен?” Трудно обойти также бедного учителя из рассказа *С незапамятных времён*. Он не имел даже крахмального белья. Сидя в углу, когда все чокались с председателем управы и меценатам, имеющим деньги, но не умеющим высказываться в связи с решением постройки нового здания для мужской прогимназии, он думал:

Отчего так? Отчего одним и слава, и талант? Отчего одним всё, а другим ничего? [Тэффи 1911, 298].

Этот вопрос остаётся без ответа, но он заставляет задуматься над сутью человеческого существования.

В рассказах этого типа Тэффи, как Чехов, ставит вопросы, но ни в его, ни в её произведениях ответов на них не найти. Даже поведение губернатора не вызывает смеха (*Седая быль*), когда он меняет мнение, как чеховский хамелеон. Губернатор, человек психически слабый. Решившись на то, чтобы арестанты ночью, под конвоем разгрузили занесенный снегом путь для пассажирского поезда, стоявшего в степи два дня, он отвечает перед очередными начальниками, которые его

переспрашивают и каждый из них другого мнения. После этого события он стал жаловаться на нервное расстройство и вышел в отставку. Причиной был страх перед параграфами, страх больше и сильнее, чем мысль о умирающих от холода и голода людях в поезде.

Почти половину рассказов из обсуждаемой книги, кроме рассказов о человекообразных и фантастического рассказа *Когда рак свистнул*, занимают, так называемые, рассказы философско-дидактические. Показаны в них наиболее характерные сцены, как ведут себя русские люди в типичных ситуациях, связанных, например с покупкой праздничных подарков (*Предпраздничное*), есть указания, какие подарки можно купить службе, мужу, жене, детям, что люди думают, как рассуждают в такие моменты. Иногда Тэффи даёт советы отъезжающим на дачу, провожающим, любовникам, знакомым и другим (*Дачный разъезд*). Вот пример:

Конечно, самое лучшее для провожающего – это опоздать к отходу поезда. Можно даже для удобства переждать где-то за колонной, а как только поезд тронется, выбежать и с жестами безграничного отчаяния махать издали букетом и коробкой конфет. Конфеты, из экономии, можно даже сделать фальшивыми (...). Просто завернуть в бумагу кирпич или пустую коробку, обвязать крест-накрест ленточкой – и готово. Цветы можно взять напрокат. Скажите, что вы тенор и сегодня ваш бенефис. Если же не удастся раздобыть, то, делать нечего, – купите [Тэффи 1911, 240–241].

В этом рассказе, как и в других, Тэффи явным образом подтрунивает над русским обществом, разоблачает злые привычки, позирование и поведение напоказ. Глядя на людей, она приходит к выводу, что люди не умеют разговаривать друг с другом (*Разговоры*) и предлагает изучать искусство разговора ногами, как это делает Айседора Дункан и другие босоножки:

У нас, в России, это большое подспорье. Уж слишком плохо мы говорим языком. Не многие из нас могут быть уверены, что скажут именно то, что хотят. Рады, если дадут себя понять хоть приблизительно (...) по интонации, по выпученным глазам и размахивающим рукам [Тэффи 1911, 276–277].

Все, названные здесь рассказы навеяны русской действительностью, и особенно интересны те, в которых речь идёт о своеобразии русского человека. Эта черта заметна в рассказе *Арабские сказки*, где собравшиеся люди рассказывают о своих приключениях с дантистами, или рассказ *Маски*. Русские любят рядиться на святках под маски,

“но что в этом веселого, – право, никто объяснить не сумеет” – пишет Тэффи и приводит пример французов, которые о своих знакомых знают всё, а маска служит им для тонкой интриги, чтобы порадоваться и пошутить. В противовес французу

русский человек маскируется мрачно. Прежде всего и главное всего – это чтобы его не узнали. И для чего ему это нужно, одному Богу известно, потому что ни балагурить, ни шутить, ни интриговать он никогда не будет [Тэффи 1911, 274].

Очередное сравнение между русскими и французами касается французских романов, которые так любят русские (*Французский роман*). Тэффи замечает, что французский роман

спокоен, длинен и хорош уже тем, что, при всей своей видимой простоте, ничего общего с действительной жизнью не имеет [Тэффи 1911, 281].

В свою очередь русский роман по Тэффи, “очень беспокоен” [281].

Ещё выступает одно сравнение русских, но уже с немцами (*Письма издалека*). Оно касается расстояния и писем. Тэффи замечает, что одно и то же понятие разные нации понимают по-разному. Для немца полчаса езды на поезде станет поводом длинных разговоров о приключении, тогда как для русского сибиряка полторы тысячи вёрст пройдёт незаметно. То же самое касается отдыха в курортах, где немцы точно выполняют все повеления доктора, а русские только делают вид.

Много ещё интересных замечаний делает Тэффи в своих рассказах по поводу летних каникул (*Песье время, Горы, Tanglefoot*) и по поводу прогресса (*Рекламы, Аэродром, Неделikatности, Завоевание воздуха*).

Относительно летнего времени Тэффи говорит, что ежегодно

наступают для бедного человечества самые дурацкие дни из всего года, так называемые *каникулы*, от слова “*caniculi*” (...) в переводе, просто *песье время*” [Тэффи 1911, 257].

Она убеждена, что влияние Большого Пса сказывается на всём: на жизни семьи, на поведении людей, которые едут, сами не зная куда и зачем (*Горы. Путевые заметки*), проводят бессмысленно время (*Tanglefoot*)³, теряют вещи.

³ Это лепкая лента от мух (фр.). Под заглавием *Песье время* выступает фельетон Тэффи, написанный в 1917 г. и помещенный в газете “Русское слово” [Спиридонова 1999, 13].

Людей времени Тэффи удивляют технические перемены типа строительства аэродрома, рекламы, которые со всех сторон “кричат” и не дают людям жить. Молодые люди, более образованные, умеют объяснить некоторые явления, что старших обижает (*Неделикатности*). Глядя в небо, они мечтают по-своему (*Завоевание воздуха*).

Свою рефлексию над современным миром Тэффи высказывает в одном из последних своих рассказов *Причины и следствия*:

Жить на свете вообще трудно, а за последнее время, когда следствие перестало вытекать из своих причин и причины вместо своих следствий выходят, точно ворона из кукушечьего яйца, нечто совсем иной породы, жизнь стала мучительной бестолочью [Тэффи 1911, 292].

Подытоживая, следует сказать, что несмотря на заглавие предсказующее юмор, юмора в рассказах немного. Выступают резкие суждения Тэффи о жизни и о людях. Серьезное и внимательное наблюдение писательницы показывает, насколько сложной является жизнь человека в эпоху приближающихся политических сдвигов и технического прогресса, когда на смену *старому* приходит *новое*. Черты характера, которыми обладают человекообразные, не появились сразу как непредвидимые или вызванные внезапной ситуацией; они выработаны годами, несмотря на то, что вызваны низкими инстинктами. Тэффи показывает, как много в любой жизненной обстановке зависит от человека.

Литература

- Тэффи, 1911, *Юмористические рассказы*, Санкт-Петербург.
- Нитраур Э., Князев С., 1999, *Предисловие*, [в:] Тэффи, *Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи*, Санкт-Петербург.
- Калюжная Л., 1999, *Тэффи 1872–1952*, [в:] *Тэффи*, сост. Л. Калюжная, Москва.
- Спиридонова Л., 1999, *Противление злу смехом*, [в:] *Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX в.*, под ред. О. Н. Михайлова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубилова, Москва.

ON THE SECOND VOLUME OF TEFFI'S HUMOROUS VERSE

S U M M A R Y

In the article Teffi's stories from the book "Yumoristicheskiye raskazy" (1911) are analyzed and discussed. The heroes are people, her contemporaries, who do not know true love, do not love children, do not find pleasure in working, and take advantage of the achievements of others. The issue refers to features of character that people have been developing for years.

Walentyna Jakimiuk-Sawczyńska e-mail: w.jakimiuksawczynska@interia.pl